

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 134, 136, 138, 143, 145, 153, 154.)

ВРАГ МЕЧЕТСЯ...

Обер-лейтенант пан Шпицке нежился в постеле после вчерашней попойки, которую устроили армейские офицеры. Пирушка удалась на славу. Плохо лишь то, что на вечеру было мало девушек, но две из трех присутствующих были определено хороши и делали ему, Шпицке, глазки.

О, Шпицке умеет быть элегантным кавалером, когда женщина ему нравится. Жаль только, что он хватил лишнего. Голова так и трещит. Он даже не помнит, как звали девушек. Особенно ту худенькую бронеточку... Кажется...

От этих размышлений его оторвал громкий стук в дверь.

— Да, войдите.

Дверь распахнулась, и вошел, вернее, вбежал побледневший денщик.

— Господин обер-лейтенант,—докладовал он заикаясь,—п-партазаны взорвали эшелон с боеприпасами и т-танками.

— Что-о-о?!

— Много жертв, господин обер-лейтенант, а эшелон—в смятку,—бормотал денщик.

Хмель сразу выскочил из головы Шпицке.

— Черт побери,—бормотал он,—натягивая трясушимися руками сапоги.—Опять эти проклятые партизаны. Теперь неприятностей не оберешься. Приедет этот жирный гусак Краузе и будет читать свои нравоучения. Чего доброго еще пронюхает про исчезнувшее оружие, а это уже пахнет разжалованием.

Однако прежде чем выйти из комнаты, Шпицке тщательно осмотрел себя в зеркале и, отшвырнув сапогом подвернувшегося кота, вышел из комнаты.

В штабе обер-лейтенанту доложили о том, что в Во-

лот срочно выехал офицер гестапо зондерфюрер Краузе, который скоро прибует.

Шпицке поморщился. Он срочно вызвал в штаб начальника полиции Молоткова и Мановского и, не дожидаясь их, направился на станцию встречать зондерфюрера.

Выйдя из подошедшей дрезины, Краузе крикнул традиционное „Хайль Гитлер“ и направился к штабу.

Такая встреча предвещала обер-лейтенанту мало приятного.

— Ну-с, докладывайте, Шпицке,—начал Краузе, устраиваясь в кресле. Он явно напоминал паука. Его бритая голова торчала из плеч без какого-либо намека на шею. Пальцы длинных рук нервно барабанили по подлокотникам кресла.

Обер-лейтенант собственно не знал, что докладывать.

— Как что?!—рывкнул Краузе.—Вы знаете, куда шел эшелон? На Ленинград, господин обер-лейтенант! Вы поняли? На Ленинград! Но благодаря вашей „бдительности“ он сейчас превратился в груду лома, а доблестные солдаты фюрера—в обгоревшие трупы. Вот вы и расскажите, как снабжаете партизан продовольствием, оружием, читаете их листовки.

Шпицке смертельно побледнел, спина покрылась холодным потом. Обер-лейтенант начал откровенно рассказывать, как партизаны мешают спокойно работать, какие распространяются в районе листовки, сколько совершено диверсий и какие меры принимает местная полиция против партизан.

— Гестапо известно,—начал Краузе, выслушав внимательно Шпицке,—что в ваш район послан из Ленинграда для руководства партизанами некто Васин или Васькин. Это очень активный коммунист. Веро-

ятно, интеллигент и бывший партийный работник. Что вы можете сообщить о нем?

Обер-лейтенант ничего не мог ответить.

— Вы болван, Шпицке!—процедил сквозь зубы Краузе.—Вместо того, чтобы доложить о пропаже оружия в Должино, вы постарались замять это дело. Вместо того, чтобы вести настоящую борьбу с партизанами, вы шупаете здесь русских девчонок и пьянствуете.

Пан Шпицке морщился. Пытался оправдаться. Но Краузе его не слушал.

К вечеру, уточнив еще раз все сведения о партизанах, Краузе стал набрасывать план ликвидации партизанского движения в районе.

У Шпицке отлегло на сердце.

— Кажется, обошлось!

Откуда было знать обер-лейтенанту, что дело с поимкой партизан в других районах обстоит не лучше, а диверсии проходят чуть ли не каждую ночь.

К вечеру в штаб были собраны все полицейские для инструктажа.

Зондерфюрер дал каждому задание. Подробный план борьбы с партизанами был вручен Шпицке.

— Положение у вас серьезное, обер-лейтенант,—сказал Краузе, прощаясь.—Такой крупной диверсии, как у вас, не было давно. Надеюсь, старанием вы оправдаете доверие фюрера. Партизаны должны быть уничтожены! Если потребуется, пришлем карательный отряд из Дно.

— Постараемся справиться своими силами, господин зондерфюрер,—ответил Шпицке.

— Посмотрим, что у вас из этого получится,—издевательским тоном сказал Краузе, усаживаясь в дрезину.—Я теперь часто буду навещать вас.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 134, 136, 138, 143, 145, 153, 154, 1, 4).

ДВА ПАКЕТА

КЕРОСИНА в доме давным давно не было. На перевернутой консервной банке чадил огарок свечи, освещаая неровным светом стол, на котором разбросанной столкой лежали исписанные листочки бумаги. Это были донесения подпольщиков о проделанной работе.

Павел Афанасьевич Васькин, придвинув к себе поближе свечу, брал очередной листок и внимательно читал. Чуть сутуловатая тень от его фигуры, увеличенная до огромных размеров, замерла на стене. Но вот он кончил читать, шевельнулся, пламя свечи заколебалось и тень дрогнула, задрожала.

— Любопытно, очень любопытно, — пробормотал Васькин, перечитывая написанное. В донесении сообщалось:

„В центре поселка Волот расположен штаб армии Старорусского направления. Штаб расположен в двухэтажном здании средней школы. В Волоте 500 немцев, 100 автомашин. В здании льнозавода склад пушек и боеприпасов. В Городцы прибыло несколько танков и три танкетки, которые, по слухам, двигаются к Шимску“.

„Зачем это немцам понадобилось перебрасывание танковых сил в Городцы? Видимо, что-то готовится. Надо срочно об этом передать на „большую землю“ и предупредить партизан“, — подумал Васькин.

Макнув перо в чернильницу, он начал писать обстоятельный доклад Ленинградскому обкому партии о своей работе.

„Подпольная организация“, — писал он, — охватила своим влиянием не только Волотовский, но часть Белебелковского, Дновского, Дедовичского районов. Пытаемся нащупать связь с солецкими товарищами. Однако две мои попытки проникнуть в Сolecкий район не увенчались успехом — оба раза меня задерживали полиция и возвращали обратно. Присланные вами документы оказались „железными“. В комендатуре к ним придраться не смогли.

Всеми действиями подпольщиков руководит комитет, созданный из семи человек. Он проводит сбор информации, распределяет по группам политическую литературу, руководит агитационной пропагандой среди населения. К политической работе привлекаются не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные патриоты. Немецким отделом пропаганды и агитации в районе руководит предатель Баскаков. Однако геббельсовская агитация не находит себе благодатной почвы среди населения.

Связь с партизанами налажена самая тесная. За последнее время мы переправили партизанам два обоза с продуктами и теплой одеждой, несколько сот винтовок и автоматов, два 45-миллиметровых орудия...“

Легкий условный стук в окно отвлек Васькина. Он быстро убрал со стола бумаги и открыл дверь. В комнату вошла связная Горodeцкой группы Надежда Ивановна Кознина.

— Здравствуйте, дорогая Надежда Ивановна, — ответил на ее приветствие Васькин. — Очень вас жду. Как добрались?

— Добрались неплохо, — ответила Надежда Ивановна, доставая крохотный листочек бумаги и передавая его Васькину.

— Здесь точные сведения о численности немцев в Городцах и Взглядах.

— Очень хорошо, — сказал Васькин, беголо просматривая бумагу. — Расскажите-ка подробнее, Надежда Ивановна, что у вас там за танки появились. Это очень важно.

— Танки прибыли два дня назад. Стоят они сейчас в гумнах и скотных дворах. Куда направляют — пока не знаем.

— Надо немедленно это выяснить. Я на днях к вам прибуду и помогу. А как немцы себя чувствуют на зимних квартирах?

— Неважно. Солдатня завшивела. В Городцах, например, насекомые у всех солдат.

— Завшивели вояки! — заразительно расхохотался Васькин.

Надежда Ивановна тоже улыбнулась. Но через минуту снова нахмурилась.

— Зверствуют и издеваются они очень, Павел Афанасьевич. По дороге к вам я зашла в Должино и Александр мне рассказал об охоте генерала фон Буша.

— Это еще что за птица? — заинтересовался Васькин.

— Командующий 16-й германской армией. Он прилетел на самолете в деревню Уницы, где офицеры устроили для него охоту... Взглядский комендант Альфред для гона зверей согнал всех детей и женщин, даже беременных, расставил их цепочкой и заставлял идти по глубокому снегу, кричать и лаять по-собачьи. Кто отказывался, тех поролы плетью.

— Ах, мерзавцы, что придумали! — возмущился Васькин. — Кто из офицеров присутствовал на этой охоте?

— Комендант лагеря № 8873 для военнопленных в деревне Чураково Вилли, комендант деревни Михалково Харль, комендант Волота Шмидт, офицеры Юн и Шпицке. Генерал остался очень доволен охотой.

— Ничего, скоро мы им покажем „охоту“. Партизаны просят, Надежда Ивановна, пошить им белые маскировочные халаты. Ко-

му бы поручить это ответственное дело?

— Есть у нас неплохой портниха и надежный человек — Занина Анна Кузачнича, только...

— Что только?

— Детей у нее, Павел Афанасьевич, семь человек. В случае чего дети, знающие сиротами останутся. А лица и немцы что-то сторожились. Меня, пока к вам пробиралась, три раза останавливали.

— Понимаю. Но и халаты нужны партизанам. Очень нужны, — медленно произнес Васькин.

— Поговорю с Анной, может, она и согласится. Это в другом месте пошить. Вот и хорошо. Белые материалы партизаны завтра ставят.

Кознина поднялась. Васькин, проводив ее до двери, написал еще одно донесение командиру партизанской бригады Васильеву, в котором подробно сообщал о расположении немецких складов с боеприпасами, казарм и секретных постов. В конце сделал приписку:

„Товарищ Васильев! просил бы выслать еще один отряд для разгрома предательского гнезда в деревнях Должино, Соловьи и Большие Гривы. Это гнездо мешает работать: сидит за активистами, малейшему подозрению — носит на людей в полицию. Руководить отрядом буду сам. Предателей знаю лично. Халаты будут.“

(Продолжение следует)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 134, 136, 138, 143, 145, 153, 154, 1, 4, 6).

Через несколько минут в дверь опять постучали.

— Входи, входи, Василек,—крикнул Васякин. В комнату вошел юноша. На вид лет семнадцати, хотя по уверению самого Василька, ему шел уже девятнадцатый.

Подойдя вплотную к Васякину, Василек вытянулся по-военному и, приложив руку к кепке с красной лентой, отпоротал:

— Товарищ Васякин! По вашему заданию предатель народа, староста деревни Петрово группой партизанского отряда уничтожен. Докладывает партизан...

— Добро, добро,—улыбнулся Павел Афанасьевич.— Я же человек не военный. Ты мне лучше подробнее расскажи, как прошла операция.

— Подошли мы к дому. Он нас заметил и стал лупить из винтовки. Тогда я зашел с противоположной стороны и запалил дом. А когда он махнул из окна, чтобы удрать, то попал к нам в руки. Прочитали, как положено, приговор от имени народа и здесь же расстреляли.

— Потерь нет?

Васильев слегка ранен в плечо. Но рана пустяковая.

— Итак, еще одним предателем на свете стало меньше,—сказал Васякин.— Передай товарищам благодарность от подпольщиков. А теперь внимательно слушай. Я знаю, что ты, Василек, отличный разведчик и связной. Но задание, которое я даю, очень ответственное и еще раз предупреждаю, чтобы ты был осторожен. Вот эти пакеты,—Васякин взял со стола два пакета и протянул их партизану,— совершенно секретны.

Василек прочел на пакетах адреса: «Комбригу Васильеву, Ленинградскому обкому партии».

— Живым или мертвым, но ты должен их доставить комбригу Васильеву.

— Есть, Павел Афанасьевич!

Паренек вытянул из кармана гранату, обернул вокруг нее оба пакета и связал их шпагатом.

— Да, так будет неплохо,—одобрительно сказал Васякин.

— Разрешите идти?

— Ступай, Василек, счастливой тебе дороги!

Через минуту фигура разведчика растворилась в ночной мгле, а легкая поземка старательно зализывала только что отпечатанный на снегу свежий след лыж.

ИЩЕЙКИ ЧУЮТ СЛЕД...

ЗА ШИРОКИМ письменным столом, полуразвалившись в кожаном кресле, сидел зондерфюрер Краузе.

Уставившись почти немигающими серыми глазами в лицо Шпицке, стоявшего перед ним у стола, Краузе нервно барабанил пальцами по кожаной обшивке кресла. На стульях, вдоль стены, с виноватыми лицами сидели комендант поселка Шмидт, Мановский, Молотков и инспектор полиции Деметьев. Они молча слушали, как отчитывался Шпицке, а в душе проклинали так быстро вернувшегося в Волот зондерфюрера.

Да, причины для их беспокойства были. Уничтожить партизан им не удалось, листовки по-прежнему посягаются не только в деревнях, но и в поселке, хуже того, в последнее время партизанские пули все чаще и чаще стали вырываться из их рядов наиболее верных «новому порядку» людей.

— За истекший период,—нетвердым голосом докладывал Шпицке,—нам удалось уничтожить...—Здесь он запнулся и, по-видимому, прикинув в уме, сколько за это время было расстреляно, повешено и сожжено женщин, стариков и детей, скороговоркой пробормотал:—Около 70 партизан и их сообщников. Кроме того, в деревнях Волот, Раглицы и других публично повешено 10 человек,

открыто сочувствовавших советской власти.

В настоящее время составляются списки всех неблагонадежных, проживающих в районе...

— Что вам известно нового о Васякине?—внезапно перебил обер-лейтенанта Краузе.

— Васякин пока в районе не обнаружен. Но меры для его поимки приняты.

— А каковы потери от партизан?

Шпицке замаялся, тяжело вздохнул и неопределенно ответил:

— Пока небольшие...

— До тех пор, пока Васякин и его сообщники не будут уничтожены,—с раздражением заговорил Краузе,—порядка в районе не будет, партизаны как были, так и останутся хозяевами положения. Поэтому первым делом необходимо ликвидировать подполье, для чего поставьте на ноги всю полицию, всех верных людей. Имейте в виду, что наиболее отличившихся командование будет щедро поощрять...

Краузе обвел всех взглядом и с ненавистью сквозь зубы процедил:

— А тех, кто хоть чем-либо поможет бандитам и их сообщникам, мы будем беспощадно уничтожать...

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ в кабинет Мановского один за другим заходили старосты, съехавшие почти со всех деревень района. Некоторые из них с раболепием поглядывали на массивную дверь, другие же смотрели на нее настороженно. Последние в кабинете долго не задерживались, через несколько минут они выходили от Мановского, чертыхаясь и проклиная «начальство», беспорядком вызвавшее их за десятки километров.

Соловьевский же староста Парфен Фишин у Мановского задержался. Уже прощаясь и ятясь задом к двери, он продолжал рабски улыбаясь и бормотать: «Все будет исполнено, как вы велели. Можете надеяться. Я уж не подведу».

— Смотри,—пробасил ему

вслед Мановский, убирая в стол исписанный Фишиным лист бумаги.—Ежели еще раз заночуешь, немедленно сообщи нам. И, злю усмехнувшись, добавил:—Мы им покажем кузькину мать...

После Фишина в кабинет зашел Василий Егоров. Он подошел к столу и встал перед Мановским по стойке смирно. При этом он неестественно согнул руки в локтях и по-петушину выпятил грудь вперед.

Мановский порылся в папке, вынул чистый лист бумаги, сделал на нем какие-то короткие записи и после этого спросил:

— А у вас в деревне чужие ночуют?

— Никак нет,—последовал короткий ответ.

— А подозрительные имеются?

Егоров задумался. Ему давно хотелось избавиться от Немкова, который сильно мешал старосте управлять в деревне народом. Но вспомнив увесистые кулаки Немкова, он решил, как бы это сделать пологее и безопаснее для себя.

— Есть и такие,—тихо заговорил староста,—сам слышал, как однажды хором пели советские песни.

Мановский насторожился и с нетерпением в голосе проговорил:

— А ну, рассказывай, как это было.

— Иду это я однажды вечером,—начал Егоров,—слышу поют хором... Я к дому. А из него вышел наш электрик Немков и с угрозами ко мне, я вырвался едва от него...

— А кто пел?

— Этого мне узнать, простите, не удалось.—Немков помешал.

— Он коммунист?

— Нет, в большевиках не состоял. Но комсомолец был заядлый.

— А кто еще из комсомольцев остался в селе?—оживился Мановский.

— Да есть кое-кто.

— Вот Танька Ефремова. Учителка она. К ней частенько наши девки и парни собираются. Да и Сашка Немков заходит иногда туда.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 136, 139, 143, 145, 134, 154, 1, 4, 6, 7).

—К ним кто-нибудь из посторонних не приходил?—весь подался вперед от любопытства Мановский.

—Пока не замечал, но кто их знает, может ночью...

—Хорошо,—с удовольствием потирая руки, проговорил Мановский.—Значит, комсомольцы пели советские песни? Так-так... Вот что. Надо узнать, кто пел, кто ходит к Ефремовой. А с Немкова ни днем ни ночью глаз не спускай. Особенно ночью. Тебе в этом помогут наши верные люди: Зимин и Сотников.

Мановский чуть помолчал, закурил сигарету и выпускал облачко дыма через нос, нараспев проговорил:

—Если дело выйдет, тебя ждет большое вознаграждение. Но будь осторожен. Птичка может и улететь...

Глаза у Егорова сразу же округлились, заблестели от жадности, грудь еще больше выпятилась вперед.

—Рад стараться!—неестественно громко выкрикнул Егоров и дрожащей рукой быстро напаял на голову шапку, но тут же спохватившись, быстро дернул ее и заискивающе залепетал: «Может, осчастливите, к нам заедете?»

—Старайтесь. Дело покажет,—последовал ответ.

С этого дня в Должине ни днем, ни ночью стало невозможно пройти по улице, никем не замеченным. Староста и его помощники зорко следили за каждым односельчанином. Особенно часто они вертелись около домов Немкова и Ефремовых.

Подпольщики насторожились. Явки и встречи на квартирах были отменены.

«СВОИ, ОТКРОЙТЕ!..»

НОЧЬ. В деревне Городищи, что расположена в трех километрах от Соловьево, давно погасли огни.

На бугре, чуть в стороне от села, виднелся темный силуэт небольшого деревянного домика Андреевых. Владимир Андреевич спал на кровати, двое его ребятишек, укрывшись одеялом, тихо похрапывали на печи, а жена, плотная, среднего роста женщина, все еще бодрствовала у окна. Последние дни ей не спалось. Вот и сейчас, положив на живот руки, Александра Павловна с тоской смотрела в уличную темень.

«Когда же эта окаянная война кончится?»—думала женщина, вслушиваясь в доносившиеся с улицы завывание ветра.

Внезапный резкий удар под самое сердце заставил ее охнуть. Обхватив руками живот, женщина прижалась искаженным от боли лицом к стеклу. Постепенно боль стала стихать. Александра Павловна растерянно улыбнулась. В голове вновь зароились беспокойные, тревожные мысли.

Да, раньше каждый новый ребенок был радостью в семье, а сейчас... и этих двух кормит нечем. А что будет дальше?... Семья увеличится... Муки давно уж нет, да и картошка на исходе...

Перед окном мелькнула человеческая тень. Женщина вздрогнула, взглядела в окно. Никого.

«Боже мой, казаться мне начало что-ли?»—с беспокойством подумала она и чуть отодвинула от окна.

Тень появился вновь, придвинулась к самому окну.

Александра Павловна разглядела сперва черную шапку, а потом мужское лицо, вплотную прильнувшее к стеклу.

Заметив стоящую у окна женщину, человек осторожно постучал по раме и почти шепотом просящее проговорил: «Мамаша... не бойся... мы свои, откройте...»

—А что вам надо?

—Мы партизаны. Нам бы хлеба... давно ничего не ели,—вновь донесся с улицы жалобный голос.

—Мы и сами-то хлеба давно не видим,—с сожалением ответила женщина.—Хотите картошки?

И, не дожидаясь ответа, подошла к кухонному столу, наложила из чугуна в миску вареный картофель, понесла к двери.

Щелкнул крючек. Под напором сильных рук дверь внезапно распахнулась настуже. В дом вошли пять вооруженных человек.

—Мы чуть погреемся и уйдем,—успокоил женщину один из вошедших.

Александра Павловна поставила миску на стол, нацупала рукой лампу и спички, приготовилась зажечь свет.

—Только не зажигайте огня,—предостерегающе предупредил мужской бас,—полицая увидят, будет всем плохо... Лучше покажите, где хранятся ваши продукты.

—Да все у нас здесь,—указывая на кухонный стол,

в котором лежал картофель и кое-какие припасы продолговатая, проговорила женщина.

На кровати проснулся хозяин.

—Саша, кто пришел?—громко спросил он жену.

—Лежите спокойно, не вставать,—проговорил угрожающе все тот же грубый голос.

В это время двое заглянули под кровать, за печь, зачем-то слезили на чердак. Другие, прислонив винтовки к печи, складывали в мешок все съестное, что им попадалось под руки.

—В котором доме живет староста?—спросил бас.

—От нас направо. Вот только завернуть в переулок...—ответил с кровати Владимир Андреевич.

—Хорошо. До скорой встречи, хозяева,—опять проговорил бас с нескрываемой усмешкой.

Хлопнула дверь в сенях, затем хрустнула под чьим-то тяжелым сапогом сухая ветка во дворе и все стало тихо.

Владимир Андреевич встал, накиннув на плечи пальто, вышел в коридор. Закрыл дверь, зажег лампу, заглянул в стол. Продуктов в нем не было.

Тогда он сел около жены, обнял ее за плечи и, стараясь успокоить, заговорил:

—Ничего, Саша, мы-то какнибудь да проживем, а вот им каково в холоде да без продуктов...

Ветер по-прежнему жалобно выл в печной трубе. Березка, стоящая у окна, под сильным напором ветра иногда дотрагивалась своими ветвями до окна, и тогда слышался тихий, приглушенный стук. Казалось, что кто-то обессиленный и изнуренный просится в дом, в тепло.

—Дай бог им счастья,—тихо проговорила женщина и, повернувшись к мужу, уверенно сказала: «А этот голос я где-то слышала. Но не могу вспомнить. Наверное, кто-то из знакомых партизанит...»

НАУТРО * * *
Во все население было согнано на площадку. Староста села Родионов выном вертелся около прибывших в деревню инспектора полиции Дементьева, Фиши-

на и немецкого переводчика.

Вот Дементьев вынул исписанный лист и начал читать. Владимир Андреевич насторожился. Уже очень был знакомый голос. А когда Дементьев выкрикнул, что в деревне живут пособники партизан и что среди них Андреев, который сегодня ночью с женой принимал в доме партизан и не сообщил об этом старосте, Владимир Андреевич ясно вспомнил: «Да это же он был ночью у нас!.. Его голос...»

Дальше все шло, как в тумане. Двое полицейских схватили жену Андреева за руки, подтащили к навозной куче и грубо бросили на застывший навоз. Женщина застонала, попыталась встать, но удар по лицу свалил ее.

Полицейские быстро сдернули с женщины пальто, оголили спину. Дементьев, наблюдавший за этой процедурой, кивнул стоявшему рядом полицейскому. Тот быстро подскочил к лежащей женщине, размахнулся и с силой ударил по спине резиновой плетью. Женщина дернулась, застонала. На месте удара сразу же появилась багровая полоса. Рядом с первой появилась вторая, третья... А когда палач стал бить кончиком плети, в который был вделан свинец, алые струйки крови выступили на теле женщины.

—Вот вам гостинiec от партизан,—зло выкрикнул Дементьев в такт ударам плети.—Получайте...

Затем поролы Андреева, Павлову и других жителей деревни, пожелавших в эту ночь мнимых партизан.

Пять дней плашмя лежала Александра Павловна. Страшные, мучительные боли не давали ей сомкнуть глаз. Разбитая в кровь спина ужасно ныла, кроме того, начались преждевременные роды.

Лишь на шестой день забылась мать. Около нее на кровати сгруппировались два запеленованных близнеца.

—Ну, вот сразу на хлопца и девочку у нас прибавка,—пытаясь пошутить отец, рассматривая личики близнецов. Но в глазах его не было радости.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 136, 139, 143, 145, 134, 154, 1, 4, 6, 7, 10—11).

СТРАННЫЙ САПОЖНИК

ДО ГОРОДЕЦ Павлу Афанасьевичу пришлось добираться двое суток. Шел он окольными путями, обходя стоящие у большака деревни.

Немцы, готовясь к летнему наступлению, ремонтировали дороги, сгоняя на работы жителей окрестных деревень, так что лишний раз попадаться на глаза немецкой полиции не хотелось. Поэтому он и колесил дуть заметными тропками от деревеньки к деревеньке под видом сапожника, решившего подработать. Вид и занятие его не вызвали никаких подозрений. На дворе были морозы, а новые валенки имели лишь редкие счастливицы. Обувка требовала ремонта, и люди провожали добрым взглядом умелого сапожника, который к тому же и посочувствовать бабам умеет, и мужикам слово такое про немцев ввернет, что долго они чешут затылки и гадают:

— То ли партизан сапожник, то ли просто отчаянный такой парняга. Уж больно говорит заиглажливо, хоть сейчас бери вилы и круши немцев.

— Да ведь вилами их не сразу, ворового, порешишь, — скажет задумчиво один из мужиков. Тут и пойдут сразу разговоры о том, как прошлой ночью исчезли в соседней деревне два немецких патруля, как пустили партизаны под откос поезд, или совершили налет на отдаленный немецкий гарнизон.

И становилось легче от этих разговоров на душе у людей, томившихся в немецкой неволе.

А «сапожник» шагал все дальше и дальше, уже не слыша этих разговоров.

Павел Афанасьевич порядком устал, но настроение у него было приподнятое.

Немцы трубят, что сны повсюду чувствуют себя хозяевами положения, — думал он, — но разве это хозяева, когда людей на работу выгоняют палками? Ночью деревни и поселок чинятся штыками патрулей и часовых, а сами «хозяева» предпочитают не высовывать носа за дверь.

Нет, голубчики, — усмехался он, — никакие вы не «хозяева»! Хозяева выходят мы, а вы лишь тот мыльный пузырь, который держится до времени. А лопнет он и ничего от него не останется...

Около Городец Васыкина встретила Козинна. Увидя Павла Афанасьевича, она, не подходя к нему, повернула и пошла к деревне. На плечах Надежды Ивановны была небольшая вязанка сухих сучьев. Ни разу не оглянувшись, она уверенно шла вдоль берега речушки. Павел Афанасьевич невольно подумал:

— Опытными становятся мои подпольщики. Молодцы!

Вскоре и Козинна, и Павел Афанасьевич сидели в жарко натопленном доме и беедовали за чаем.

— Куда думаете меня на житье определить? — спросил Васыкин. — Я должен быть на легальном положении. Буду сапожничать под видом родственника кого-нибудь из деревенских.

— Многих из наших здесь как облученных знают, вилот до десятого колена, — задумчиво ответила Козинна. — Опять придется к Заниной обращаться. Тут ее родных по мужу не знают хорошо. Будите у нее жить, как дальний родственник. Только в ее доме немцы живут, Павел Афанасьевич.

— Очень хорошо, — засмеялся Васыкин. — Они и будут меня от ваших полицейцев охранять.

В СКОРЕ у Заниных появился родственник, который с разрешения немецких властей открыл у себя небольшую мастерскую.

Дети Занина с удовольствием торчали день-деньской у «дяди Петя», глядя, как тот ловко сунит дротву и лапает дыры у выдавшего виды валенка.

А когда из дома уходили немцы, то принималась за работу и Анна Кузьминична. Она вынимала машинку и шила белые халаты.

— Кому это столько халатов, мама? — полюбопытствовала как-то старшая дочь Домна.

— Охотникам, доченька, — ответила мать, — только бы об этом никому не говори, а то у нас и машинку отберут, и со мной беда может приключиться.

Но тринадцатилетняя де-

вочка понимала уже многое. А нечаянно подслушанный разговор между мамой и «дядей Петей» давно открыл ей на все глаза. Разговор этот состоялся вечером, и все дети, за исключением Домны, спали. Девочка уже совсем засыпала, когда в комнату, постучавшись, вошел «дядя Петя». Обычно в это время он никогда в комнату, где находилась Анна Кузьминична со своими детьми, не заходил. Лицо его светилось радостью.

— Анна Кузьминична, — заговорил он горячим шопотом, — дорогой вы наш человек, от души поздравляю вас! Только что через связную получил известия о том, что вас благодарит за работу лично товарищ Жданов.

Анна Кузьминична сильно смутилась, стала зачем-то переставлять на столе всякую мелочь.

— Господи, мне-то за что, товарищ Васыкин? — наконец нашла она что ответить.

— За что? — переспросил Васыкин. — Вот за эти трудовые руки и за ваше большое сердце.

Потом он взял руки Анны Кузьминичны в свои, поцеловал их и вышел из комнаты.

Домна замерла под одеялом. Значит, ее мама, партизанка? А «дядя Петя» вовсе не «дядя», а какой-то главный партизанский начальник, раз сам товарищ Жданов через него передает благодарность. Так вот какие халаты все время шьет мама! Они нужны партизанам и разведчикам, чтобы лучше прятаться от немцев и, подползая незаметно, убивать их. Никому и ни за что она, Домна, не расскажет, чем занимается ее мама и «дядя Петя». Никому, никому!

Но многого еще не знала тринадцатилетняя девочка. Не знала она, что с приходом в Городец Васыкина подпольная группа активизировала свою деятельность. Почти ежедневно городецкие жители стали находить то возле колодцев, то под стрехой, то в щелях дверей своих домов листовки с сообщениями о совинфорбюро или свежие номера «Правды». Сельчане незаметно прятали листовку в рукав и, найдя укромное место, при-

нимались с жадностью читать о положении на фронте и работе советского тыла.

— Из наших кто-то действует, — поговаривали в деревне, — чужим в дверь не подсунет. Стало быть и у нас действуют смельчаки-партизаны.

И лица у людей светлели и принимали гордый вид, как будто они сами совершили героический поступок.

Не знала девочка и того, что с каждым днем народ упорнее и упорнее саботировал все распоряжения немцев и их холоуев, а из односельчан создавались новые партизанские отряды, которые наносили все более чувствительные удары захватчикам.

Эти отряды неизменно связывались с подпольщиками. Вот и сегодня. Василек, который, разыскав Васыкина в Городах и передав ему пакет от Васильева, сказал:

— Павел Афанасьевич, один из отрядов просит достать батарейный приемник. Больно хочется Москву послушать, ребята соскучились.

— Здесь, брат, этого не достанешь. Универмага нет, — горестно пошутил Павел Афанасьевич. — Впрочем, что-нибудь придумаем.

И уже уходя, Василек сказал:

— Комбриг Васильев просил Вас в случае необходимости уходить в лес и уводить наших людей.

— Понятно, — ответил Васыкин. — Ну ты иди, а то светает скоро начнет.

Через неделю в мастерскую, где работал Васыкин, зашел староста. Он долго вертел документы и так, и этак, казалось даже, что он хочет их для пробы лизнуть. Не обнаружив, вероятно, ничего подозрительного, староста заглянул своими острыми глазами по углам каморки, пунул ногой ящик, где лежали старые заготовки и, недовольно сопя носом, вышел на улицу.

На другой день, Васыкин простившись с подпольщиками, перебрался в другую деревню. О его квартире на этот раз знали только связные.

(Продолжение следует)